

В поисках идеального локуса (обзор научной конференции «Утопические проекты в истории культуры»)

В декабре 2018 г. Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону) стал площадкой II Всероссийской (с международным участием) научной конференции «"Город Солнца": в поисках идеального локуса» (к 450-летию со дня рождения Томмазо Кампанеллы). Форум был организован при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-011-20114). Это уже второе мероприятие подобного рода, организованное Институтом философии и социально-политических наук при участии Института филологии, журналистики и межкультурных коммуникаций и Академии архитектуры и искусства ЮФУ. Предыдущий форум (2016), работу которого освещал журнал «Вопросы философии», был посвящен 500-летию выхода в свет «Утопии» Томаса Мора, который широко отмечался во всем мире. Выдающемуся итальянскому философу и социалисту-утописту Томмазо Кампанелле (1568–1639) в этом отношении повезло значительно меньше: его памятная дата хотя и не осталась незамеченной научной общественностью, но широкого освещения не получила.

Конференция в известной степени была попыткой восстановления исторической справедливости по отношению к человеку, который небезосновательно считается одним из последних по-настоящему энциклопедических мыслителей эпохи Возрождения, творчество которого охватывало метафизику и философию, астрологию и оккультизм, педагогику и поэтику, естествознание и теологию, риторику и грамматику, медицину и политические науки. Как писал американско-итальянский философ и литературовед Франческо Грильо, в философии Кампанелла был предтечей Ф. Бэкона в понимании экспериментального метода, Декарта — в теории чувственного восприятия, Локка — в философии религии, Лейбница — в теодицее, Вико — в философии истории, Канта — в трактовке категорического императива. Он также предшествовал Лафатеру в физиогномике, Фребелю в педагогике и Шуппе в теории имманентности. Художники, в том числе Андреа Сакки и Никола Пуссен, в своем творчестве истолковывали фанатичные, аллегорические и теоретические видения Кампанеллы. Он был «виднейшим натурфилософом на исходе эпохи Возрождения» (В.В. Соколов) и не менее знаменитым астрологом; монахом-доминиканцем, уличенным в ереси, и теологом, написавшим «Побежденный атеизм»; революционером, социалистом-утопистом и советником сильных мира сего. Кампанелла написал около сотни книг, насчитывающих свыше 3000 страниц. Но главными из них стали две: «Город Солнца» и «Апология Галилея».

География участников конференции достаточно масштабно представила современное научное пространство. На сайте конференции зарегистрировалось около 150 ученых из 10 стран: России, Великобритании, Испании, Германии, Бразилии, Молдовы, Узбекистана и др. Российские участники, в том числе 76 очных докладчиков, представляли свыше 40 городов РФ: Москву (МГУ, МГИМО, РУДН, ВШЭ, и др.), Санкт-Петербург (Европейский Университет, СПбГУ), Ростов-на-Дону (ЮФУ, РГУПС, РИНХ и т.д.), Краснодар, Казань, Владивосток, Севастополь и Симферополь, Екатеринбург, Магнитогорск, Астрахань, Иркутск, Вологду, Мурманск, Нальчик и др.

На пленарном заседании были представлены доклады, определившие основные векторы дискуссий в рамках конференции. Научную программу конференции открыло выступление *Грегори Клейса*, Президента Европейского общества исследователей утопии (*Utopian Studies Society – Europe*), профессора Университета Лондона, об актуальности идей Карла Маркса для XXI столетия. Обращение к этой теме оправдано, во-первых, юбилейной датой (2018 год — это год 200-летия со дня рождения Маркса), во-вторых, тем, что идеи Маркса связаны с попытками становления идеального локуса в общественном пространстве.

В своем докладе *Г.В. Драч* (Ростов-на-Дону) обратился к философии Кампанеллы, выделив в его идеях социальную теорию. Этот доклад дал участникам конференции представление о противоречивой личности мыслителя, о его взаимоотношениях с современниками и богатстве его идей, знаменующих одну из самых ярких и драматических страниц в истории европейской культуры и философии. Кампанелла — последний из титанов Возрождения, выразительный персонаж эпохи перехода от Средневековья к Новому времени, внёс огромный вклад и в обоснование социальной теории, расширяя привычные горизонты и открывая путь к достижению новых, революционных социальных идеалов. Хотя в его лице натурфилософия Возрождения столкнулась со своим собственным детищем — экспериментальным и математическим естествознанием, этот исторический период ознаменовался переходом от теоцентризма к антропоцентризму и натуралистическому истолкованию человека. Но этого мало, «мы ждём перемен» — вот что могло быть написано на знамёнах Возрождения, и Кампанелла яростно боролся за эти перемены. В этом контексте помещается и социальная теория (утопия) Кампанеллы как рациональный проект, устремлённый в будущее.

Доклад *Т.С. Паниотовой* (Ростов-на-Дону), был посвящен архетипу города в истории утопической мысли. Сформулировав проблему: «почему города так часто являлись локусами утопии?», докладчик показала, что архитектура и градостроительство в социальных утопиях выполняли важные функции визуализации идеологии, эстетизации пространства, регламентации социальных отношений и были органично включены в конструирование идеального общества, позже названного коммунистическим. Т.С. Паниотова предложила оригинальную — по сути альтернативную — интерпретацию «геометрического» или «механического» устройства ренессансных городов, предположив, что оно визуализировало предчувствие грядущего механического порядка индустриальной эры.

Профессор Университета Барселоны *Рикардо Иглесиас* (Испания) в докладе «Тело, эстетика и технологическая утопия» говорил о том, что эволюция концепции тела в связи с внедрением новых современных технологий, позволяет ученым углубиться в новые утопические/антиутопические представления о человеке и его телесности. Предполагается, что объектом изучения в антропологии становится не «человек», а «киборг», как наиболее типичный представитель настоящего и ближайшего будущего техногенной цивилизации. Новые технологии дают возможность преодоления ограничений, связанных с нашей биологической природой. Фигура киборга становится центром новой утопической трансгуманистической парадигмы и арт-практик. *Виктор Бакулов* (Ростов-на-Дону) показал возможность и необходимость различения понятий утопии и утопизма и раскрыл их методологическое значение на основе марксистской концепции превращенных форм сознания.

Последующая работа конференции проходила в пяти секциях: «Утопия и современные социокультурные практики», «Проблема идеального общества в политической истории», «Идеальные пространства в архитектуре, искусстве и литературе», «Философские аспекты утопизма», «Утопические идеи и эксперименты в истории культуры». Значительное число участников конференции — студентов бакалавриата и магистратуры позволило организовать работу Молодежного форума в качестве шестой секции.

О том, что утопия — не просто литературный жанр, а способ или метод мышления (Р. Рюйе) наглядно свидетельствовала тематика докладов, заслушанных на первой секции. Живой интерес аудитории вызвали доклады, обращенные к различным аспектам виртуальной реальности: утопии города в компьютерных играх (*С.В. Тихонова*, *Д.С. Артамонов*, Саратов), сеть «Инстаграм» как один из видов современных утопических практик (*Е.В. Благодарова*, Ростов-на-Дону). С планами создания Музея коммунизма познакомил предприниматель из г. Лакинск Владимирской обл. (*Л.М. Ретинский*); о восприятии современной гостиницы как городской утопии и об эксплуатации понятия «утопия» в гостиничном бизнесе рассуждали *Д.А. Рубан* и *Т.К. Молчанова* (Ростов-на-Дону), а об утопическом содержании экологических

проектов — *Е.Ю. Лунец* (Ростов-на-Дону). Ряд докладов был посвящен сопоставлению современной философии образования с педагогическими взглядами Кампанеллы (*Л.Е. Яковлева*, Москва; *К.В. Савельева*, Ростов-на-Дону).

Политическая теория и практика стала объектом для дискуссий второй секции. Не стоит удивляться тому, что тематические и хронологические рамки этой секции оказались довольно широки, потому что и само понятие утопии крайне «эластично», и сфера политики на протяжении веков представляла собой своеобразную «лабораторию» для утопических экспериментов. Десять заслушанных докладов попеременно погружали аудиторию в самую разную, подчас экзотическую, проблематику — от панславизма и евразийства до современной политической и этической философии, от византийского имперского мифа и польского мессианизма до испанских мечтаний о всемирном христианском государстве. *А.А. Кириллов* (Ростов-на-Дону) посвятил свое выступление анализу утопической дискурсивной установки в формировании современного понимания и интерпретации «византизма» и «византинизма», как модернизационного проекта, имперской мифологии, религиозного идеала или культурной утопии. В докладе *А.В. Корневского* (Ростов-на-Дону) речь шла о наследии польского философа Августа Цешковского, одновременно причисляемому к мыслителям-утопистам и предтечам цивилизационного подхода. В западной историографии особое внимание уделяется роли его «философии действия» в становлении младогегельянства и кристаллизации мировоззрения таких мыслителей, как Маркс и Герцен. Русские и польские интерпретаторы указывали на сходство взглядов Цешковского и творца «Колокола» в генезисе идеи «русского социализма». К концепциям современной политической философии обратились *Д.В. Балашов* и *С.В. Виноградов* (Москва).

Работа третьей секции была сосредоточена на осмыслении художественных образов, наполненных (анти)утопическим содержанием. Объединяющим мотивом выступлений на секции стала задача по анализу представлений идеального пространства в разных видах художественного творчества. *Е.А. Чичина* (Ростов-на-Дону) затронула фундаментальный вопрос о связи утопии и искусства. Были проанализированы утопические основания Итальянского Возрождения, сложившиеся в результате обращения к Античности как мировоззренческой опоре и выразившиеся в трагическом мироощущении представителей искусства этого периода.

Большой интерес, безусловно, вызвало обсуждение вопроса о соотношении утопии и литературного творчества. Это объясняется тем, что литература является самой распространённой формой объективации утопического сознания. О жанровых характеристиках утопии и антиутопии говорил *М.В. Покотыло* (Ростов-на-Дону). По его мнению, контаминация этих жанров в современной литературе стала адекватной формой художественного выражения и осмысления идей обновления общества. К историческим истокам утопии обратился *Ю.С. Малик* (Воронеж) с докладом «Утопизм античных пасторалей: “тоска по золотому веку”», где отмечалась взаимосвязь упадка античной культуры с растущей утопической традицией, которая позже получила развитие в христианской культуре. О мифе как источнике жанра утопии говорил *Д.А. Александрович* (Ростов-на-Дону), показав, как в фантастической литературе второй половины XX — начала XXI в. реализуются архаические модели утопической поэтики. Популярный ныне жанр антиутопии стал объектом исследовательского интереса *А.В. Мальцева* (Ростов-на-Дону). В его докладе анализировались дискурсивные практики противостояния тоталитарному обществу в романе М. Этвуд «Рассказ служанки».

Анализ утопических образов в кино был представлен в докладах *О.А. Джумайло* и *М.А. Романенко* (Ростов-на-Дону). В первом докладе был рассмотрен фильм «Между рядами» (реж. Томас Штубер) сквозь призму репрезентации в нем пространства, представляющей коллективную грезу об идеализированном прошлом ГДР. М.А. Романенко говорил о репрезентации социалистической идеи в образах кино периода оттепели и перестройки. Доклад *В.Е. Барышевой* и *Л.В. Желондиевской* (Москва) касался роли манифеста как стратегического инструмента создания визуальной системы. Отмечалось, что авангардистские манифесты начала XX в., заключающие в себе утопические идеи, прямым образом повлияли на формирование новой художественной реальности.

Выступления *Т.Б. Батыр* (Молдова) и *П.С. Антоненко* (Ростов-на-Дону) были посвящены реализации утопических идей на практике.

Генетическая связь утопии с философией, начиная с Платона, обусловила значительное количество докладов разнообразной тематики, представленных на секции, посвященной *философии утопии*. Обсуждение развернулось в плоскости выяснения вопроса: умерла ли утопия в связи с утратой идеалов в постсоветский период или она продолжает жить, модифицируясь и трансмутируясь в другие жанры? Возможна ли она вообще сегодня в «чистом» классическом виде? Вывод *А.М. Орехова* (Москва) о том, что «небытие и отринутость» утопического жанра – лишь временное явление, сменил общую негативную модальность доклада на позитивную. *Е.В. Золотухина* (Ростов-на-Дону) связала противоположность представлений об идеальном обществе Т. Кампанеллы и Э. Фромма не столько с «исторической конкретностью», но и с несходством «исходных мировоззренческих установок на созерцательность или активизм». По сути, проблема «исторической конкретности» была затронута и в докладе *Н.В. Литвака* (Москва). В нем подчеркивалось, что, хотя основное внимание Т. Мора и Т. Кампанеллы было обращено к внутреннему устройству общества, не ускользнули от их внимания и международные отношения. Многие гуманистические принципы внешней политики классиков-утопистов до сих пор критически не переосмыслены и не концептуализированы. Вместе с тем, докладчик отметил и некоторую логическую противоречивость выводов Мора и Кампанеллы, что позволяет при определенных допущениях трактовать их идеи как оправдание колониализма и даже далёкого для рассматриваемой эпохи постколониализма. Вызвали интерес аудитории и попытки докладчиков включить в утопический контекст идеи «христианского социализма» *В.Ф. Эрна* (*Н.А. Шестовских*, Екатеринбург) и проекты Вечного мира (*А.А. Лисицина*, Ростов-на-Дону).

Доклады, заслушанные на секции «Утопические идеи и эксперименты в истории культуры», отразили широту и многогранность бытования утопии в пространстве культуры, обозначили актуальные направления трансляции и популяризации утопического наследия. Прозвучали выступления *А.В. Козловой* (Санкт-Петербург), *А.Ю. Браерской* (Ростов-на-Дону); *В.О. Хвостиковой* (Ростов-на-Дону), *С.Л. Андреевой* (Магнитогорск). Утопический дискурс втягивал в обсуждение все новых докладчиков и обнаруживал порой совершенно неожиданные сюжеты. В контексте «утопической России» были рассмотрены проекты музеефикации и конструирования туристических маршрутов, связанные с инфраструктурой городов и их духовной наполняемостью (*О.С. Кириллова*, Ростов-на-Дону), проанализированы плюсы и минусы коммунитарного эксперимента В. Круассака (*А.В. Хорунжий*, Москва). Своеобразный ракурс в контексте утопических идей приобрели олимпийский проект П. де Кубертена (*М.А. Богданова*, Ростов-на-Дону) и эсхатология движения Нью-Эйдж (*А.Н. Раевский*, Ростов-на-Дону).

Дискуссии на конференции во многом были обусловлены сложностью и многозначностью самого понятия «утопия», в силу чего оно одновременно и обладает огромным эвристическим потенциалом, и в какой-то мере — запутывает. Важной особенностью конференции стала ее междисциплинарная направленность и привлечение ученых самых разных специальностей и академических дисциплин: философов, культурологов, литературоведов, социологов, историков, политологов, правоведов, антропологов, искусствоведов, экологов, а также широкого круга исследователей научной фантастики, гендерной проблематики, киноискусства. Такого рода междисциплинарный подход оказался весьма продуктивным как для рассмотрения утопического наследия Томмазо Кампанеллы, так и для изучения истории утопической мысли в целом.

Однако состоявшаяся конференция — это не просто дань памяти великому утописту, при всей значимости и неординарности его личности. Она была призвана стать и стала не только событием, приуроченным к юбилейной дате. Форум превратился в междисциплинарную научную площадку для сопоставления различных позиций в изучении утопии и выработки новых, фундаментальных подходов, призванных охватить как ценностные измерения утопии, так и ее онтологические и гносеологические

основания, а в более широком плане — послужить поводом для размышлений о том, какое будущее ожидает человечество. Ведь утопия в современных условиях играет особую роль именно потому, что направлена в будущее и участвует в формировании реалий нового, неизвестного еще сегодня мира.

Г.В. Драч, Т.С. Паниотова, М.А. Романенко
(Ростов-на-Дону)

Драч Геннадий Владимирович — Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, 344006, ул. Большая Садовая, д. 105/42.

Доктор философских наук, профессор Южного федерального университета, Ростов-на-Дону.

gendrach@mail.ru

Паниотова Таисия Сергеевна — Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, 344006, ул. Большая Садовая, д. 105/42.

Доктор философских наук, профессор Южного федерального университета, Ростов-на-Дону.

tspaniotova@mail.ru

Романенко Максим Андреевич — Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, 344006, ул. Большая Садовая, д. 105/42.

Аспирант Института философии и социально-политических наук, ассистент Высшей школы бизнеса Южного федерального университета, Ростов-на-Дону.

maks291193@gmail.com

Drach Gennady V. — Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Professor, Full Professor at Southern Federal University, Rostov-on-Don.

Paniotova Taisiia S. — Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Professor, Full Professor at Southern Federal University, Rostov-on-Don.

Romanenko Maxim A. — Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation.

Postgraduate Student at Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, Assistant Professor at Higher School of Business of Southern Federal University, Rostov-on-Don.

DOI: 10.31857/S004287440005327-4

«Русская философия за рубежом: история и современность: коллективная монография / под ред. М.А. Маслина; сост. Л.Е. Моторина. М.: КНОРУС, 2017. 448 с.

Издание получилось исключительно интересным — и в информативном и в теоретическом отношении. Читателю открывается россыпь незнакомых соображений об именах и темах русской философии (от Соловьева до Михайловского, от метафизики до философии языка) и сведений об очагах философского россиеведения за рубежом. У книги двадцать четыре автора — не только москвичей, но и из США, Китая, Германии, Италии, Франции, Словении, Сербии, Польши. Тем не менее, имея в виду общий для всех предмет — русская философия — и его видение в культурно-историческом контексте, издатели назвали свое творение монографией. Книга, действительно, монографична. Книга — о том, где, в каких научных и университетских центрах мира изучают русскую философию, как о ней пишут и как ее оценивают. Попутно и часто, но совсем не специально, в книге присутствуют проблемы собственно историографии русской философии в целом.

Складывается впечатление, что всего внимательнее, с широким захватом тем воспринимают нашу философию немцы (пять статей Ю.Б. Мелих), французы (две статьи А.П. Козырева) и итальянцы (статьи О.И. Кусенко и Л.И. Моториной). Кстати, О.И. Кусенко уверяет, что «итальянские традиции изучения русской мысли являются флагманом западного россиеведения» (с.187). Замыкают этот ряд американцы, продолжающие традицию «золотого века» американского россиеведения, пришедшего на годы холодной войны (статья В.В. Ванчугова). К странам, где хорошо знают русскую философию и изучают ее долгие годы, теперь прибавился великий Китай! Поразительно, но в стране существует три центра изучения России. С 1985 г. при разных университетах Китая каждые два года проводятся симпозиумы по изучению советской и русской философии. В.В. Ванчугов, собиравший нам об этом, пишет: Китай «в настоящее время стал одним из мировых центров русских исследований» (с. 179).

Наконец, в книге имеются статьи об изучении нашей философии в славянских странах — Сербии (Б. Пантелич и В. Меденица), Словацкой республике (Е. Грегор), приведена библиография исследований русской философии в Польше (Д. Ванчык. М. Мильчарек). Предложена также обобщающая статья о «Русской философии в Восточной Европе» (С.А. Нижников и Л.Е. Моторина). Почти все статьи этой группы написаны очень кратко, и, к сожалению, обойдены должным вниманием Чехия (с ее богатейшей русско-

чешской философской жизнью до Второй мировой войны) и Польша. Последняя представлена здесь рассказом о творчестве А. Валицкого, но другие польские исследователи с иными, чем у него, акцентами в изучении русской философии не затронуты.

В статье Ю.Б. Мелих (о немецких штудиях русской философии) названы шесть государственных и общественных ныне действующих центров ее изучения. К ним я прибавил бы первую и единственную в Германии философию с особым уклоном на исследование восточно-европейской философии, которую с 1974 по 1987 г. пестовал В. Гёрдт. Во Франции А.В. Козырев называет тоже 6 центров с особым вниманием к русской мысли. О.И. Кусенко разделяет итальянскую философскую русистику на два направления — теологическое и университетское. У первого направления очаги современного изучения русской мысли перечислены автором на с. 153. Их одиннадцать! А еще к ним следует приплюсовать деятельность центра «Христианская Россия» (с 1957 г.) и издательства «Матренин двор» (с 1975 г.). Университетскую, историко-мировоззренческую ориентацию последования русской мысли продолжает А. Вентури (сын известного Ф. Вентури), Д. Стейла, А. Мазэро и ряд других преподавателей — Л. Сатта-Боскиан (Перуджа), Даниеле Серретти (Пиза). Дж. Риконда (Милан) и др.

Раздел «Интеллектуальные портреты» должен помочь ответить на другой вопрос: кто работает в этих центрах, кто изучает нашу мысль и несет знания о ней в научные и ненаучные круги иностранных читателей? В разделе предложены двадцать имен. Среди них оказались два представителя русского зарубежья — Б. Шлецер и А. Шлеман и почему-то Т. Масарик, чьи исследования стилистически и методологически более принадлежат XIX в., а отнюдь не современности. Итого, остается семнадцать портретов авторов-исследователей русской философии — славистов, бывших советологов, богословов, профессиональных философов. Некоторые из них (Мориз Дени, Сюй Фенлинь, Чжон Байчунь) описаны краткой библиографической справкой. Другие — рассказом не только о написанных ими книгах, но и об идеях, которыми они руководствуются при изучении русской философии.

Впрочем, всякого рода эпизоды в биографиях наших зарубежных коллег тоже что-то значат. Интересно, зачем Исаие Берлину признаваться, что он не работал на английскую разведку? Умляет

ссылка Ф. Биллингтона на прочитанную в школьные годы «Войну и мир», что было началом пути к его книге «Икона и топор». А. Валицкий был знаком с С.И. Гессеном. Китайский коммунист Ан Цинянь побаивается негативных последствий промышленной цивилизации для Китая и думает совместить марксизм с ценностями религиозной философии. Наконец, многие стали «русистами» просто по службе в славистическом или советологическом центре (Д.П. Скэнлон).

И все же скоро на смену радости от знакомства с зарубежными коллегами приходит недоумение. Конечно, из семнадцати исследователей нашей философии за рубежом пять немцев — это очень правильно и очень оправдано живым русским отношением к немецкой философии. Но где имена Ютты Шеррер и Вольфганга Дитриха, которых считают выдающимися знатоками нашей философии? Я совсем не знаю немца Ассена Игнатьева, написавшего шесть книг о русской мысли (с. 91), но хотел бы хоть что-то узнать о нем. Опять же, — почему в «Интеллектуальных портретах» представлено пять имен от англоязычной русистики и только по одному от ведущих стран в области «философского россиеведения» — Италии, Польши и Франции? Почему целых три имени от только-только рожденного «россиеведения» в Китае?

Хотя инициаторы издания не ставили себе целью исследование методологий зарубежных историков русской философии, тем не менее разговор о ней неслышимо идет на протяжении всей книги. А начат он с прекрасного «введения», написанного М.А. Маслиным. Он пишет: «Русская философия ... обращена ко всеобщему, нацелена на осмысление универсальных философских проблем, таких, как сущность человека, его отношение к бытию, структура и характер бытия; место в нем человека; закономерность познания; смысл, содержание и направленность истории; жизнесмысловые и ценностные проблемы (счастье, красота, смерть, страдание, добро и зло) и др. В этом заключается собственное лицо, неповторяемость русской философии, ее отличие от инонациональных философских традиций»; «другими словами русская философия в ее истории является историко-философским отечествоведением...» (с. 16).

Как можно понять, наши зарубежные коллеги в зависимости от преходящих обстоятельств и от традиций уделяют разное внимание этим проблемам. У них складываются разные образы русской философии.

Например, из статьи В.В. Ванчугова «Англо-американская историография русской философии» следует, что у англосаксов внимание к русской мысли имеет скорее подоплеку политическую, а не общекультурную или гуманистическую.

Первыми лицами в англоязычной русистике авторы книги называют Д.Х. Биллингтона («крупнейший русист и непререкаемый авторитет в истории русской культуры и общественной мысли»,

с. 184), Д.Л. Клайна (создатель научного направления, изучающего русскую философию, с. 217), Д.Ф. Коплстона (он включил русскую мысль «в контекст всеобщей истории философии, которую он осветил так подробно, как никто из современных философов», с. 229) и Д.П. Скэнлона — «ведущего американского исследователя русской философии» (с. 250). Авторы статей о Д. Скэнлоне и Ф. Коплстоне уделили внимание тому, как эти ученые решают вопрос об отношении русской и мировой философии. Известно, что первый настаивал на том, что «Россия не нуждается в узконациональной русской философии»; такая позиция, дескать, противопоставляет Россию прочему интеллектуальному миру (см. с. 245). Собственно национально-философским в России он считает только то новое, что будет найдено русскими в колее европейской теоретической философии. Таким образом, например, является неолейбнизианство и философия права (там же). Другое национально-философское у нас — это П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский. Что касается Д. Коплстона, то его позиция может показаться методологически противоречивой. В самом деле: он предпочитает говорить о «философии в России», подчеркивая тем самым, что она — часть европейского процесса развития философии. Увы, по уважительным историческим причинам она же, эта самая «философия в России» «вторична» по отношению к европейской. Этот суровый приговор смягчен Коплстоном: «В случае с Россией надо принять “широкий взгляд” и не слишком заботиться о разделении истории философии, истории идей, истории социальных теорий и религиозной мысли» (с. 226). Автор статьи о Коплстоне не счел нужным пояснить, чем же для ученого является этот самый «широкий взгляд». Он, наверное, не будет формулой снисходительности по отношению к нам; скорее всего, за ним скрывается понимание каких-то фундаментальных отличий нашей философии от европейской.

Осторожность в отношении к нашей мысли у англоязычных выражена Р. Бэрдом из Чикаго. Во-первых, он вообще скептически смотрит на возможность серьезного исследования русской мысли у англо-саксов: пока «русская философия не займет свою нишу на философских факультетах американских университетов, ей трудно рассчитывать на серьезные исследования как ее прошлого, так и ее потенциала» (с. 63). Во-вторых, у него дело этим не ограничивается: приоритетной задачей будущих исследователей он полагает «фокусирование» их усилий «на философском содержании русской мысли», а если такое «фокусирование» невозможно, то — «выделение оригинального философского содержания посредством тщательного анализа условий, в силу которых оно не представляет интереса для англо-американской философии» (там же). К Бэрду присоединяется Т. Зайфрид, исследователь А. Платонова. «Он отмечает, что трудно проводить обобщения в области русской

философии (или точнее, изучения русской философии), поскольку это поле деятельности достаточно аномально» (там же).

По счастью, такой скептицизм не повсеместен. Некоторые из англоязычных славистов, рассматривая русскую философию в контексте нашего литературоцентризма, обнаруживают в ней нечто позитивное. Например, Э.В. Клаус из США находит, что в таком контексте русская философия обретает статус форума, на котором обсуждаются метафизические, эстетические и этические проблемы с целью обретения индивидуальной и национальной идентичности. Э.В. Клаус надеется, что «благодаря ее книге англоязычные философы найдут альтернативную западной философскую традицию» (с. 61).

Судя по статьям о русистах во Франции и Италии, они тоже рассматривают нашу философию прежде всего в ее историко-культурном и социально-культурном существовании (не исключая и ее политического аспекта). Напротив, немецких исследователей — как это явствует из статьи Ю.Б. Мелих — более интересует теоретическая проблемность русской мысли. Уже при бурном начале советологии в 1940-е годы Г. Веттер заключает диалектический материализм в форму философии всеединства и находит «точки соприкосновения» его со славянофилами и религиозными философами начала XX в. (см с. 80). Автор называет главной фигурой в немецкой философской русистике В. Гердта (ум. В 2014 г.) с его книгой «Русская философия. Подходы и прозрения» (1984). Предложенная в ней панорама русской мысли — с конца XVII в. почти до наших дней — разделена автором на три периода, каждый из которых по-своему реализует соотношения единства и многообразия. Он интересно говорит о многоосновности русской философии (столь разные — Ломоносов и Сковорода, Радищев и Сперанский), а многообразие, постоянно присутствующее в нашей мысли, полагает конституирующим ее признаком, не отрицая при этом стремления к единству, отмеченному Г. Веттером (см. с. 83). В. Гердт безоговорочно утверждает европейский характер русской философии: «... Пока мы говорим на общие темы и отвечаем на общие вопросы, мы находимся в общей традиции, связанной не с чувствительностью, но с разумом» (с. 82).

Другой немецкий философ П. Элен находит, что поиск «понятийно-рациональных форм, которые позволяют выразить религиозное чувство и мысли», является одной из центральных проблем русской философии (см. с. 279).

Следуя такой установке, немецкие ученые пытаются пояснить то, что неприемлемо для англичанина Ф. Коплстона («Философия, ставящая перед собой задачу рационального преодоления ограниченности рационального мышления... была бы неприемлема для большинства философских факультетов

англоязычных стран» (с. 22–23) и что констатирует французка М. Дени («русский тип бытия основан на идее Логоса, выражающего нечто неотмирное» (с.131).

Такую задачу выполняют исследования Х. Куссе (Германия) о феномене метадискурсивной аргументации, когда ее языковая форма испытывает влияние религии, политики, экономики и даже повседневности. Такое автор проследивает во времени от Ломоносова до Лосева, находя русскую мысль двоящейся между «философией в России» и «русской философией» (с. 230–231). Тематически близкими являются исследования А. Хаардта о феноменологии, пришедшей к нам во время «ренессанса» метафизики, в которой доминировала платоновская традиция (см. с. 258).

Своеобразной интродукцией к основному содержанию книги является первый раздел, написанный редактором издания М.А. Маслинным — «Философское россиеведение за рубежом как предметная и проблемная область знания». В нем названы и довольно подробно проанализированы два сопряженных друг с другом источника зарубежной философской русистики XX в. Первым из них стали труды В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, Г.В. Флоровского, Г.П. Федотова, Д.И. Чижевского, оказавшихся за пределами своей родины после революции. Вторым источником стала советология, которая по своей идеологической и политической ангажированности непременно должна была заняться историей русской мысли. При этом антисоветский потенциал русского зарубежья был использован ею в полной мере.

М. А. Маслин обстоятельно рассматривает состоявшиеся почти на наших глазах изменения основной направленности западной историографии русской мысли. Он замечает, что «после распада СССР западные приоритеты в оценке русской философии радикально изменились» (с. 46). Русскую религиозную мысль, ранее ценимую как альтернатива марксизму, теперь упрекают в недоверии к западной цивилизации, в ненужном будто бы внимании к самобытности русской культуры.

Раздел книги, следующий сразу же за «Интеллектуальными портретами», называется «Русская философия в текстах зарубежных ученых» и призван, по-видимому, продемонстрировать уровень современных исследований наших зарубежных коллег. Здесь помещены два выступления А. Валицкого. Одно из них — о «Русской идее», которую он интерпретирует прежде всего как форму национальной идентификации и «как правило, хотя и не без исключений, уникальной миссии России во всемирной истории человечества» (с. 316). Не могут быть не отмечены статьи М. Дени «Темпоральность и эсхатология в России на примере Н. Бердяева» и Х. Куссе «Диалектическая модель культуры Ф. Степуна и Ф. Франка», а также китайский исследователь Ань Цинянь с его «Достоевским и

Марксом». Позабавит Д. Клайн заметками об «орфографическом атеизме» в СССР и др.

В последнем разделе собраны воспоминания о скончавшемся в 2016 г. американском знатоке русской мысли Д.П. Скэнлоне.

Не нужно упрекать инициаторов издания за то, что ими упущено или недоработано. Скажем прямо, сделанного вполне достаточно, чтобы нам самим начать новый круг осмысления философского опыта России. И все же нельзя не заметить некоторые оплошности инициаторов издания. С первой из них читатель встречается уже в «Оглавлении». Фамилии авторов разделов и подразделов отсутствуют. Работать с текстом трудно; нужно постоянно возвращаться к с. 8 «Приложения», где имена искомых авторов набраны сплошь, в несколько строк. Без указания имен авторов даны названия статей наших зарубежных коллег в четвертом разделе.

Еще одно замечание. Во французском названии «Антологии русской мысли от Карамзина до Пушкина» термин «догоняющее развитие» переведен как «догоняние» (с. 137). Название известной статьи С.Н. Булгакова «Основные проблемы теории прогресса» из «Проблем идеализма», упомянутое в статье Ань Циньяня, переведено неверно —

«Главные вопросы теории эволюции» (с. 379). Есть и малопонятные слова («эtabilмированный», «ирритирующее» или «перлокутивный»). Таких досадных мелочей могло бы и не быть.

Но в целом книга получилась интересной и, главное, нужной.

А.А. Ермичев
(Санкт-Петербург)

Ермичев Александр Александрович — Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург, 191011, набережная реки Фонтанки, д. 15.

Доктор философских наук, профессор Русской христианской гуманитарной академии.

Ermichyov Aleksander A. — Christian Academy for Humanities, 15, Fontanka, St. Petersburg, 191011, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Professor of Christian Academy for Humanities.

7723516@gmail.com

DOI: 10.31857/S004287440005361-2

CONTENTS

Evgeny N. Moschelkov, Andrei G. Sytin – Nikita Nikolayevich Moiseev as a Philosopher and Political Thinker.....	5

Process-Based Logic

Vladimir A. Konev – On the Ontological Foundations of Process-Based Logic.....	17
Igor B. Burdonov – Muddled Notes on the Fields of Controversy.....	27
Nataliya A. Orlova – Postmodern Arabesque.....	34

Philosophy and Society

Maryia M. Fedorova – Event: Modern Approaches to the Formation of the Concept	40
Alexander V. Buzgalin, Andrei I. Kolganov – Determinants of the Social-class Structuring of the Society and its Specificity in the Conditions of System Transformations.....	50
Diana E. Gasparyan – Toward the Civil Society: Political Dimension of the Human Being (H. Arendt and M. Mamardashvili).....	62
Lora T. Ryskeldiyeva – On Deontology and Vocabulary of “Smysl”.....	76
Konstantin S. Sharov – Making God Politically Correct?.....	86
Evgeny D. Yakhnin – Evolutional Aspect of Concept of Beauty.....	97

History of Russian Philosophy

Elena V. Serdyukova, Wladimir W. Janzen – On the History of Russian Philosophy in N.O. Lossky’s epistolary heritage.....	108
The Correspondence of N.O. and B.N. Lossky’s with D.I. Chizhevsky’.....	112
Valentin V. Balanovskiy – An Acausal Connecting Principle as a Basis of Unity of the Universe in Analytical Psychology of C.G. Jung and Intuitivism of N.O. Lossky.....	131
Sergey N. Korsakov – Where Have Gone the History of Russian Philosophy as a Training Course.....	141
The Program of the Training Course on the History of Russian Philosophy of the Department of History of Philosophy of the Institute of Red Professors of Philosophy under the Direction of I.K. Luppel, 1935–1937 (in abbreviation). Published by Sergey N. Korsakov.....	148
Andrey A. Vorobyev – Philosophical Possibilities of Soviet Literature: Leonid Leonov’s Last Stage.....	159

History of Philosophy

Danila K. Maslov – The Early Duns Scotus and the Oxford <i>artistae</i> of the Late Thirteenth Century on Signification of Names.....	167

Artem A. Krotov – Napoleon and Rousseau’s Theory of Social Contract.....	177

Letters to Editors

Nadezhda A. Kasavina – As possible the popular philosophy?.....	187
Marina A. Kalashyan – Justice: Between Law and Morality.....	199
Jung Sejin, Kwak Songwoong – Religious Ideas and Practice in Sufi Orders.....	206

Scientific Life

Gennady V. Drach, Taisiia S. Paniotova, Maxim A. Romanenko – In Search of Ideal Locus (Review of 2nd Scientific Conference "Utopian Projects in the History of Culture»).....	214

Book Reviews

Aleksander A. Ermichyov – M.A. Maslin, ed. Russian Philosophy Abroad: History and Today.....	219